УДК 94 (47).053

П. В. Седов

Снятие церковных колоколов для литья пушек в начале Северной войны

Указ Петра I 1701 г. о переплавке церковных колоколов на пушки является одним из символов петровской эпохи. Об этом значимом факте часто пишут историки и публицисты, но специальные исследования на этот счет появились только в самое последнее время, и многое еще остается неясным. До сих пор не обнаружен сам указ, и не вполне ясен механизм его реализации. В этом решительном мероприятии царя-преобразователя, как в капле воды, отразилась противоречивость петровских реформ, которые были закономерным следствием развития страны и вместе с тем дерзко противостояли прежним обычаям.

Большинство исследователей упоминают об этом царском указе кратко и усматривают в нем суровую военную необходимость[1]. Вместе с тем, существует и другое, «осуждающее», мнение. И. Л. Солоневич полагал, что Петр I чрезмерно много отлил орудий, не считаясь с возможностями страны: «пушки строили безо всякого расчета»[2]. В. Я. Уланов в своих оценках солидаризировался с позицией старообрядцев — противников петровских реформ: «Государь Бога гонит, мощи и иконы рушит, часовни разбирает, колокола снимает, курит, мясо ест и другим велит, в посты и среды с пятницами, сам правит без патриарха <...> Какой же он христианин: гонитель христианства, стало быть, настали

[1] *Хмыров М.Д.* Артиллерия и артиллеристы на Руси в единодержавие Петра Первого (1696–1725) // Артиллерийский журнал. 1865. № 10. С. 615–616, 622; *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом // Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 511; *Брикнер А.Г.* История Петра Великого. Репринтное воспроизведение с издания А.С. Суворина. М., 1991. С. 414; *Ростунов И.И.* История Северной войны. 1700–1721. М., 1987. С. 50; *Молчанов Н.Н.* Петр I. М., 2003. С. 176; *Труайя А.* Петр Первый. М., 2007. С. 171 и др.

[2] *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М., 1991. С. 469.

времена, и воцарился антихрист»[3]. Подобные оценки в популярных работах и историософских трудах отражали настроения части интеллигенции начала XX в., решительно противопоставляющей церковные колокола, символизирующие Московскую Русь, петровским реформам. Как писала Марина Цветаева,

Царю Петру и вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари, колокола.
Пока они гремят из синевы —
Неоспоримо первенство Москвы.
И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей![4]

Среди последних специальных исследований на эту тему следует выделить работы О. А. Белобровой[5] и Ю.Е. Манойленко[6]. Ю. Е. Манойленко обнаружил новые ценные сведения о колокольном сборе 1701 г. в монастырских архивах, в том числе и в фонде Валдайского Иверского монастыря. Однако наиболее информативные источники этого фонда — отписки иверских стряпчих о снятии колоколов – оставались до сих пор неизвестными.

Введение этих новых данных позволяет отказаться от предвзятого мнения о том, что снятие церковных колоколов при Петре I противостоит традициям Московского государства.

Предложения снять церковные колокола для выполнения государевых повинностей имели место еще до рождения Петра I. В сентябре 1667 г. стряпчий Валдайского Иверского монастыря в Новгороде Венедикт Самсонов сообщал своим властям, как стоял на правеже в связи с неуплатой монастырем государевых податей. Только что закончилась изнурительная тринадцатилетняя война с Речью Посполитой, но новгородский воевода продолжал выколачивать недоимки с населения. Иверский стряпчий сообщил, что строители малых новгородских монастырей просили воеводу боярина князя В. Г. Ромодановского дать отсрочку в платеже, но тот в ответ заявил: «хотя де колокола продай, а по государеву указу плати»[7]. По словам воеводы, подобная мера выглядела самой крайней из всех возможных, но и на нее следовало пойти, чтобы исполнить свой долг перед государем. Воевода видел нарушение приличий не в снятии ко-

[3] *Уланов В.Я.* Москва и Петр Великий // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1912. С. 67–68.

[4] *Цветаева М.И.* Собр. соч.: в 7 т. М., 1997. Т. I. Кн. 1. С. 271.

[5] *Белоброва О.А.* Чудо 1701 г. с колоколами Троице-Сергиева монастыря // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. XXVI. С. 302–311.

[6] *Манойленко Ю.Е.* 1) Русская артиллерия в первой трети XVIII в.: дис. ... к. и. н. [рукопись]. СПб., 2010. С. 77–83; 2) Вклад русских монастырей в восстановление артиллерии в 1701 г. // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 155–157; 3) Колокольные сборы в период Северной войны 1700–1721 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 56–57.

[7] Архив СПбИИ. Ф. 181. Оп. 1. № 1170. Сст. 39 — 39 об.

локолов, а в уклонении от государева тягла. Такого рода представления были понятны не только власти, но и челобитчикам, иначе воеводе следовало бы найти иные убедительные слова, понуждавшие подданных платить.

В преддверии другой войны конца XVII в. московские власти уже на практике стали описывать церковные колокола как возможный источник меди для пушек. Накануне крымских походов в новгородской епархии переписывали церковные колокола. В грамоте новгородского митрополита Корнилия в Успенский Тихвинский монастырь 5 марта 1685 г. предписывалось по царскому указу «в Великом Новегороде в Юрьеве и в Футынском, и в Антоньеве, и в вашем Тихвине, и в Вяжицком, и в Духове монастырех колокола переписать сколько в котором монастыре тех колоколов и что в котором весу и какие на них подписи. И будет на которых колоколах подписи не написано, и те колокола свесить что в тех колоколах будет весу, и то записать в книги»[8]. Подписанные колокола рассматривались как неотчуждаемая часть церковного имущества, полученного по вкладу-завещанию. Поскольку взвешивать предполагалось лишь те колокола, которые не имели подписи, то можно заключить, что власти оценивали объемы колокольной меди в монастырях для возможного изъятия и переплавки.

Медь для производства пушек стали собирать с церкви и в связи со строительством азовского флота: монастыри брали на себя полное оснащение кораблей, они же должны были поставить и медь для орудий. В росписи января 1699 г. «что каких денег надобь платить на корабельное строение и иноземцом на жалованье» с Иверского монастыря причиталось в том числе «за пушки, <...> буде положат в 200 пуд пушку, а за пуд в казну за медь денгами принимают по 5 рублей»[9].

Медь для пушек азовского флота продолжали собирать и в начале Северной войны, заменяя ее сбор уплатой дополнительного денежного сбора. По царскому указу апреля 1700 г. с кумпанства, в котором числился Успенский Тихвинский монастырь, надлежало собрать «за медные пушки» — 306 пудов меди. При цене пуда меди в 6 руб. за пуд с кумпанства собирали 1836 руб., из которых на долю Успенского Тихвинского монастыря приходилось 193 руб. 44 коп. По каким-то причинам эти деньги не были взысканы с монастыря вовремя, и о недоимке вспомнили в марте 1701 г., когда в Москве лихорадочно собирали медь для производства «посленарвских пушек»[10]. Таким образом, весной 1701 г. Успенский Тихвинский монастырь дважды участвовал в сборе средств на производство медных пушек: в счет строительства азовского флота и вместе со всеми для восстановления утраченной под Нарвой артиллерии по царскому указу февраля 1701 г. Но это было не снятие церковных колоколов, а денежные выплаты за медь по рыночной цене.

[8] Там же. Ф. 132. Оп. 1. Картон 34. № 229. Сст. 24.

[9] Там же. Ф. 181. Оп. 1. № 4952. Сст. 3.

[10] Там же. Ф. 132. Оп. 1. Картон 51. № 27. Сст. 1–2.

Очередной учет меди и железа в стране начался накануне Северной войны. 15 декабря 1699 г. боярин А. С. Шеин «сказал» именной царский указ о переписи во всех монастырях медных и железных пушек с указанием их веса и размера, состояния станков и колес, а также «всякого мелкого ружья». Список царского указа, сохранившийся в фонде Иверского монастыря, содержит распоряжение монастырю отчитаться о происхождении такого оружия (См. Приложение 1).

Строго в соответствии с требованиями этого царского указа в Иверском монастыре были описаны пушки и мелкое оружие, и 8 апреля 1700 г. эта опись была отправлена через почту в Москву и в том же месяце представлена в столичном приказе (См. Приложение 2). По описи в монастыре находилось 9 медных пушек общим весом 230 пудов и сверх того две медные и три железные пушки, которые из-за их большого веса не смогли взвесить. Монастырь извещал московские власти, что у всех пушек станки и колеса совершенно сгнили, а пушкарей в монастыре нет. Как видим, весь этот арсенал не мог быть особенно полезен для монастыря в случае военной опасности.

Таким образом, Пушкарский приказ еще до войны располагал точными сведениями о количестве медных и железных пушек в монастырях. В случае надобности эти орудия можно было использовать непосредственно или пустить для переплавки новых пушек. Однако власти пошли иным путем.

В результате катастрофы под Нарвой 19 ноября 1700 г. русская армия потеряла всю полевую артиллерию, и встал вопрос о необходимости ее скорого восстановления. По материалам Иверского монастыря реализация известного петровского указа 1701 г. о снятии церковных колоколов для литья новых пушек предстает в несколько неожиданном свете.

Сам указ не сохранился, и его точная дата и содержание до недавнего времени не были известны. Ю. Е. Манойленко обнаружил упоминание об этом именном указе в послании нижегородского митрополита властям мужского Печерского монастыря. Нижегородский владыка ссылается на память из Монастырского приказа в Пушкарский от 4 февраля 1701 г. с повелением присылать четвертую часть колокольной меди на Пушечный двор. Эта важная находка позволила Ю. Е. Манойленко приблизительно датировать появление указа самыми первыми числами февраля 1701 г.[11]

Новые документы из фонда Успенского Тихвинского монастыря позволяют несколько уточнить дату знаменитого царского указа. 22 января 1701 г. в Новгороде была получена царская грамота о переписи и взвешивании колоколов новгородской епархии и одновременно о взвешивании всех медных пушек во владениях новгородского митрополита и монастырях. Эта грамота, очевидно, и является реализацией царского указа 1701 г. о снятии колоколов. Таким образом, можно определенно утверждать, что указ состоялся чуть рань-

[11] *Манойленко Ю.Е.* Колокольные сборы в период Северной войны 1700–1721. С. 56.

ше — в середине января. Уже 27 января новгородский дворянин Б. И. Колобов выехал из Новгорода описывать и взвешивать колокола Обонежской пятины (См. Приложение 3).

Московские власти действовали предусмотрительно: царские грамоты об учете всех церковных колоколов и пушек уже были получены на местах, а официальное объявление указа в Москве намеренно задерживали, очевидно, с целью помешать скрыть медные колокола и пушки от государственной переписи.

Отписки стряпчего Валдайского Иверского монастыря Антипа Тимофеева из Москвы позволяют установить, как в столице узнали об объявлении указа. Письмо Антипа Тимофеева было отправлено из Москвы в первых числах февраля 1701 г.[12] «Да ныне по имянному великого государя указу велено изо всех монастырей вести к Москве медные пушки на крестьянских подводах к указному сроку. И с того указу послали к вам, государем, для ведома список. А о колоколах еще в приказех наряду по се число не слыхали, толко таковы указы у ворот прибиты. А о пушках грамоты великого государя из Монастырского нового приказу во все городы посланы. Извольте, государи, все медные пушки, не помешкав, на крестьянских подводах к Москве прислать»[13].

Сразу вслед за этим письмом Антип Тимофеев послал другое через почту, которая доставляла корреспонденцию быстрее, чем свои люди; оно обогнало в пути монастырского старосту и пришло в обитель днем раньше: «В нынешнем 1701-м генваря в день по указу великого государя послана в Великий Новгород ко владыки государю, а указано по той государевой грамоты изо всех новгородцких монастырей, опроче Тихвина и порубежных монастырей, медные пушки вести к Москве к указному числу. И ныне били челом великому государю мы, послушники ваши, и челобитную подали боярину Ивану Алексеевичю Мусину-Пушкину, чтоб из вашего монастыря медных пушек не вести для того, что тот монастырь от немецкого рубежа не в далнем расстоянии, а стал на пустом месте и опасно всяких лихих и воровских людей. И по той челобитной приказал боярин грамоту великого государя в Новгород ко владыки государю послать, чтоб монастырских ваших медных пушек к Москве не вести. И ныне та грамота готова, толки не успели запечатать. А запечатав, тое грамоту тотчас к вам, государем, пришлем. А о воске колоколов к Москве тотчас и в Новгород грамоты великого государя ко владыки государю будет»[14].

[12] Письмо в Иверский монастырь привез староста 12 февраля 1701 г. Зимой слуги Иверского монастыря отвозили письмо из столицы дней за пять, следовательно, оно было отослано в первых числах февраля.

[13] Архив СПбИИ. Ф. 181. Оп. 1. № 5334. Сст. 16–17.

[14] Там же. № 5334. Сст. 15. Письмо было получено в монастыре через почту 11 февраля 1701 г. (зимой почта шла из Москвы в Иверский монастырь около трех дней). В этот же день, 11 февраля, было отослано письмо из монастыря к архимандриту, который находился за пределами обители, с точным воспроизведением московской отписки о медных пушках и колоколах — Там же. № 5336. Сст. 87–88.

Исполняя царский указ о сборе меди, глава Монастырского приказа боярин И. А. Мусин-Пушкин сначала объявил указ о сборе медных пушек у архиереев и монастырей и как будто медлил посылать грамоты о снятии колоколов, во всяком случае, так понимал дело стряпчий Иверского монастыря в Москве. В действительности Мусин-Пушкин проявил расторопность, усыпив бдительность монастырских стряпчих: пока те гадали, когда же в Монастырском приказе составят грамоту о переписке церковных колоколов, на местах уже были получены соответствующие грамоты и начался их повсеместный учет.

Не только Иверский, но и другие монастыри, где были свои медные пушки, просили их сохранить, поскольку в годы войны они могли служить реальной защитой от «лихих людей». Мусин-Пушкин взял на себя ответственность и давал поблажку монастырям в этом вопросе. Любопытно, что, желая сохранить медные пушки, монастыри не просили оставить им колокола. 16 февраля иверские власти получили следующее послание из Москвы: «Известно вам, государи, буди: по указу великого государя и по грамоте из Монастырского нового приказу медных пушек от нас из монастыря к Москве вести не велено»[15].

Уже на следующий день иверский архимандрит сообщил на новгородское подворье о том, что 16 февраля в монастыре проездом из Москвы в Новгород побывали боярин Т. Н. Стрешнев, генерал-провиантмейстер С. И. Языков и думный дьяк А. И. Иванов. Архимандрит посылал в Новгород царскую грамоту, «что пушек из монастыря имать не велено, и вам тое грамоту преосвященному митрополиту подать и список объявить боярину Тихону Никитичю, потому что, поехав из монастыря, он пушек изволил смотреть и дьяк после ево мерял и описывал. И вы ему бейте челом, чтоб учинил к дому святому милость и тех пушек по той великого государя грамоте имать из монастыря не велел, а о колоколах — каков указ на все соборы и монастыри состоитца»[16].

Для современного исследователя царский указ об изъятии медных орудий из монастырей с целью восстановления артиллерии выглядит вполне оправданным, тогда как указ о снятии церковных колоколов для литья пушек может показаться мерой слишком радикальной. Сами монастыри воспринимали это несколько иначе: пушки они ценили больше, чем колокола. Точнее, они надеялись сохранить пушки, а вместо колоколов сдать имеющиеся запасы колокольной меди.

По-своему был исполнен царский указ о сдаче меди на производство пушек в Успенском Тихвинском монастыре: в 1701 г. монастырь заплатил «за медные пушки» 135 рублей, то есть с него не взяли ни колоколов, ни пушек, а только деньги[17].

[15] Там же. № 5334. Сст. 19.

[16] Там же. № 5348. Сст. 27–28.

[17] Там же. Ф. 132. Оп. 1. Картон 60. № 95. Сст. 108 об.

Некоторые архиереи и монастыри бросились исполнять царский указ о сборе колокольной меди с большим усердием. В феврале 1701 г. 22 подводы повезли из Вологды в Москву 2 битых колокола, весом 46 пудов 3 фунта, котловую медь весом 181 пуд 26 фунтов и чистое прутовое английское олово весом 32 пуда 2 фунта с четвертью. Чрезвычайно ценной была здесь красная медь, которую следовало добавлять в колокольную для изготовления орудий. Нехватка красной меди тормозила производство пушек, и вологодский владыка имел все основания надеяться на царскую благодарность. Тем не менее, он еще более расстарался и «сверх тое четвертной части послал еще меди котловой 200 пуд для пополнения»[18]. Ему следовало поставить 259 пудов 31 фунт колокольной меди, а он послал на две трети больше, да еще и лучшего качества. Причем среди значительных запасов присланной из Вологды меди не было ни одного колокола.

Эта история получила любопытное продолжение в Москве и нашла отражение в разных источниках. Свидетелем того, как стряпчий вологодского архиепископа отчитывался в Москве о привезенной меди, оказался иверский старец Ефрем: «Сего марта в 8 день приключилися ми быть ради неких монастырских нужд у боярина Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина в доме. <...> Да в то ж время прислал вологоцкой архиерей с колоколов четвертую часть да сверх четвертой части 200 пуд. И он о сем велми осудил и велел постлать грамоту, чтоб допросить: где такие прибытки взял, а великий де государь лишняго не желает»[19].

О дальнейшем ходе дела сообщил уже сам вологодский стряпчий: «марта в 15 день боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин изволил мне сказывать: докладывал де он великого государя о присылке меди, что ты изволил прислать к нему великому государю сверх колокольной меди двести пуд. И великий де государь за тое присылку тебя государя милостиво похвалил». О том, что И. А. Мусин-Пушкин осудил излишний привоз колокольной меди, вологодский стряпчий ничего не сообщил. Царская милость вологодскому архиепископу выразилась в том, что 31 марта с Пушечного двора в Вологду повезли два колокола, в том числе один крупный, весом 176 пудов 20 фунтов с надписью, что он отлит при державе Ивана и Петра Алексеевичей в 1691/1692 г. мастером Иваном Моториным. Этот колокол был установлен на колокольне в Вологде и за особый белый цвет получил название «Лебедь»[20].

Петр «милостиво призрил» услужливого вологодского архиерея. В конце концов получилось, что в Москву повезли всякий медный лом, а из Москвы в Вологду по царскому указу был послан большой колокол, ставший местной достопримечательностью. В данном случае наблюдаем не противостояние царя и духовенства по вопросу о снятии церковных колоколов, а естественное сотрудничество в годы войны.

[18] *Федышин Н.* Софийские колокола // Послужить Северу. Вологда, 1995.

[19] Архив СПбИИ. Ф. 181. Оп. 1. № 5334. Сст. 33.

[20] *Федышин Н.* Софийские колокола // Послужить Северу. Вологда, 1995.

Память об этом событии сохранилась в местном вологодском предании: будто бы царь Петр сам присутствовал при снятии колоколов в Вологде; но местный звонарь так искусно сыграл на них «Камаринскую», что царь умилостивился и велел оставить все колокола.

Подданные шли на разные ухищрения, чтобы одновременно исполнить царский указ и сохранить свои колокола или во всяком случае сохранить самые большие из них. Замечательный пример смекалки продемонстрировали крестьяне одной из приходских церквей вотчины вологодского архиепископа. В своей сказке февраля 1701 г. они сообщали, что «указ великого государя о взятье той меди слышали», и на колокольне их церкви Иоанна Богослова четыре колокола, а «весом тех колоколов не знаем сколько пуд и колько фунтов четвертую часть». Поэтому крестьяне посылали на московский пушечный двор один из колоколов, но если вес этого колокола будет меньше четвертой части, то они просили их не винить, «а пеня, что он великий государь укажет»[21]. Вряд ли крестьяне послали в Москву свой самый большой колокол, иначе их опасения насчет четвертой доли веса были бы лишены всякого смысла. Видимо, они надеялись, что из далекой Москвы к ним не поедут проверять вес других колоколов и можно исполнить царский указ «малой кровью».

Следует заметить, что медь брали не только у церкви; это была естественная часть общих мероприятий по сбору ценного металла в масштабах всей страны, и церковь, обладая самыми большими запасами меди, не могла оставаться в стороне. Миряне также страдали от того, что вся наличная медь отправлялась на Пушечный двор. В конце мая 1701 г. из Москвы сообщали в монастырь: «А лампады к местному образу мы <...> не купили для того, что по указу великого государя весь ряд котельной и всякой медной посуды заперт и запечатан. И ныне, государь, той лампады купить негде»[22]. Во всей Москве затруднительно было купить даже самое мелкое изделие из меди.

Особенно ценной в тот момент была красная медь, которую следовало добавлять в колокольную для отливки пушек. Память 22 мая 1701 г. из Ратуши в Монастырский приказ предписывала искать и описывать в городах у посадских людей «продажной красной меди, и что у кого такой меди явитца для нынешняго военного времени в пушечное литье, взять все на нас, великого государя, и прислать к Москве и объявить в Ратуше, а за тое медь тем людем дать денег по настоящей цене». Царская грамота об этом в Успенский Тихвинский монастырь была составлена 27 мая 1701 г.[23] В отличие от архиереев и монастырей, медь с посадских людей брали не бесплатно, а за деньги. Дискриминация

[21] Архив СПбИИ. Кол. 34. Картон 9. № 141. Сст. 4 . Благодарим Н.В. Башнина, который любезно обратил наше внимание на этот документ.

[22] Там же. Ф. 181. Оп. 1. № 5334. Сст. 69.

[23] Там же. Ф. 132. Оп. 1. Картон 51. № 63. Сст. 1. Документ впервые обнаружен Ю.Е. Маноильенко.

архиереев и монастырей при снятии колоколов состояла не в антицерковной направленности петровского указа, а в том, что духовенство должно было потратиться при сборе меди существенно больше, чем другие сословия.

В последующие годы медь взыскивали с монастырей на постоянной основе. Так, в 1705 г. с Иверского монастыря вновь взяли четвертую часть всей колокольной меди. Предшествовавшие сборы уже исчерпали запасы медного лома в монастырях, и теперь приходилось реально снимать колокола. На московском подворье и в подмосковной вотчине — селе Богородицком были описаны колокола (15 пудов), из них четвертую часть в виде трех колоколов (3 пуда 36 гривенок) отослали на Пушечной двор[24]. Как установил Ю. Е. Манойленко, с 1710 г. церковь платила новый колокольный сбор, который фактически превратился в денежный налог, поскольку потребности в колокольной меди в то время не было[25].

Снятие колоколов с церквей при Петре оставило след в народной памяти, когда вполне реальные события превращались в местные предания, обрастая легендарными деталями. Народная молва неизменно обеляла царя, представляя его радетельным православным государем, желающим иметь пушки, но при этом щадящим сами колокола, из которых он собирался их делать.

Идею снятия колоколов народная молва приписала не самому царю, а «худо одетому человеку» — пушечному мастеру. Когда Петр находился в Новгороде после поражения под Нарвой, бедняк обратился к царю с просьбой налить ему чарку вина, а взамен дал совет, откуда взять медь для пушек: «Меди у тебя, царь, много, не о чем так о ней думать: сколько излишних и ненужных при церквах колоколов? <...> Нужда государственная важнее, нежели многие колокола, и половины оных слишком довольно для того предмета, для которого они наделаны, а после, как Бог даст, одолеешь своего противника, то из его же пушек наделать можно колоколов, сколько хочешь, и потом уж, — заключил он, — есть из них много разбитых и без употребления»[26]. Предложение пустить колокола на пушки сопровождается надеждой, что затем вражеские пушки пойдут на восстановление русских колоколов. Замечание о том, что в монастырях много разбитых колоколов, сохраняемых для будущей переплавки, как мы уже видели, соответствовало исторической действительности. В другом варианте этого исторического анекдота идею снять колокола для пушек Петру подсказал сам патриарх[27], хотя к этому времени в России патриарха уже не было.

Сохранилось и предание о том, как Петр убедил соловецких монахов отдать колокола на пушки: монахи настаивали на том, что с отнятием колоколов умалится слава святых соловецких угодников. Тогда Петр велел старцам ехать

[24] Там же. Ф. 181. Оп. 1. № 6150. Сст. 256 об.

[25] *Манойленко Ю.Е.* Колокольные сборы в период Северной войны 1700–1721. С. 56–57.

[26] *Никанорова Е.К.* Исторический анекдот в русской литературе XVIII века. Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск, 2001. С. 392.

[27] *Барсов Е.В.* Петр Великий в народных преданиях Северного края. М., 1872. С. 16.

на дальний соловецкий остров, а сам приказал стрелять из пушек и звонить в колокол. Оказалось, что монахи слышали только пушки, но не звон колокола. «“Ну, вот то-то и есть, — заметил царь, — колоколов ваших вы не слыхали, а пушки славу мою до вас донесли! Так уж лучше давайте мне ваши колокола; я их на пушки перелью, а пушки эти славу святых угодников соловецких распространят до самого Стекольного города”. Волей-неволей монахи согласились на предложение царя и отдали ему лучшие монастырские колокола»[28]. Историческое предание не рассматривает снятие колоколов как богопротивное дело, поскольку пушки донесут славу русских святых до самого Стокгольма.

В других народных историях Петр предстает в виде милостивца, который жалеет колокола и при малейшей возможности велит оставить их на месте. Важно, что Петр вел себя так не только в народных преданиях, но и на самом деле. Еще в XIX в. был опубликован документ, касающийся особо чтимого в Троице-Сергиевом монастыре колокола, отлитого в 1426/27 г. при великом князе Василии Темном и при игумене Никоне, ученике Сергия Радонежского. Когда Петру доложили, что троицкие власти готовы отдать этот колокол на переплавку, он не только велел не переплавлять его, но даже своим именным указом 10 марта 1701 г. уменьшил норму сдаваемой монастырем меди на вес этого прославленного колокола — более 160 пудов. Колокол был уже привезен в Москву и находился на троицком подворье в Кремле. Здесь он был оставлен и пострадал во время московского пожара 1701 г., а в 1708 г. мастер Иван Маторин перелил его в новый колокол, отправленный по царскому указу в Троицу[29]. В данном случае Петр действовал в духе уже существовавшей практики, когда на переплавку брали только те колокола, которые не имели подписей.

Этот исторический факт нашел преломление в местном предании, записанном в Троице-Сергиевом монастыре. Монастырские колокола будто бы трижды «не желали» отправляться в переплавку: их не удавалось снять, разбить и, наконец, один из них чудесным образом исчез, спрятавшись подо льдом местного пруда. Петр прибывает в монастырь, кается перед мощами преподобного Сергия и оставляет монастырю колокол.

По мнению О. А. Белобровой, царское предписание вернуть в монастырь старинный колокол, уже привезенный на московский Пушечный двор, равно как и местное предание о царском раскаянии, были явлением исключительным: «Ничего подобного не произошло ни с какими другими колоколами, насколько позволяют судить известные нам материалы по Вологде, Угличу, Нижнему Новгороду, Владимиру и Кирилло-Белозерскому монастырю»[30]. Однако, в контексте реальной истории с колоколами вологодского архиерея действия

[28] Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Издание подготовила Н.А. Криничная. Л., 1978. С. 158–159.

[29] *Бычков А.Ф.* Уважение Петра Великого к памятникам старины 1701 г. // Русская старина. СПб., 1892. Т. 73. С. 265–266.

[30] *Белоброва О.А.* Чудо 1701 г. с колоколами Троице-Сергиева монастыря. С. 306.

Петра в отношении троицкого колокола предстают уже не как случайность, а как осознанная политика.

Это же удостоверяет и запись в расходной ведомости на содержание артиллерийской школы: в 1701 г. «всяких чинов люди привозили битую колоколную и зеленую медь и имали целые колокола, и у них битая и зеленая медь принимана, а вместо той меди отдаваны в тот же вес целые колокола, а вместо заделного имано по 8 ал. 2 д. с пуда»[31]. Из документа следует, что «всяких чинов люди», а не только духовенство, привозили на Пушечный двор медный лом, и желающие могли обменять «битую медь» на целые колокола с уплатой разницы цены за изготовление самих колоколов. Таким образом, часть колоколов возвращалась обратно населению.

Приведенные факты разрушают привычную картину немилосердного срывания колоколов с церквей по указу Петра. Церковные власти сами услужливо везли колокольную медь в Москву сверх нормы, входя в расходы при доставке тяжелого груза за сотни верст. Особо ретивых приходилось даже сдерживать, ведь колокольной меди собрали быстро и так много, что в ней уже не было острой нужды, тем более, как оказалось, для литья пушек она мало пригодна.

Н. Н. Петрухинцев опубликовал письмо Я. В. Брюса кабинет-секретарю Петра I А. В. Макарову от 22 февраля 1721 г., из которого следует, что в 1701 г. было собрано 24 311 пудов меди, в том числе церковной колокольной — 7497 пудов, то есть около трети от общего объема (38 %), а для изготовления «послеНарвских» пушек медь церковных колоколов составила и того меньше — менее одной пятой (18,7 %)[32].

Всё это со временем забылось, и, годы спустя в памяти современников остался лишь факт изъятия колоколов на пушки и даже запрет лить колокола. Разноречивые детали этого мероприятия, передающие своеобразие эпохи, испарились, оставляя место лишь общей легендарной канве. Так, по словам видного деятеля петровского времени Б. И. Куракина, в 1701 г. «со всего государства велено взять четвертую часть от весу колоколов от всех церквей и монастырей, где собрано было многое число тысяч меди, от которой учинено, чаю, с триста пушек и со сто мортиров всяких рук, и еще в остатке не малое число. И того года заказано больших колоколов лить и без указу ни малых; от того времени и колокольной ряд запустел»[33].

Итак, современники не видели в снятии части церковных колоколов на нужды армии в начале Северной войны того поругания Церкви, которое непременно

[31] *Бранденбург Н.Е.* Материалы для истории Артиллерийского управления в России: Приказ артиллерии (1701–1720). СПб., 1876. С. 485. Приложение XX.

[32] *Петрухинцев Н.Н.* Пушки и колокола: письмо Я.В. Брюса об итогах операции по переливке в 1701 г. колоколов на пушки после «первой Нарвы» // «Мы были!» Генерал фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха. Материалы Всероссийской научной конференции. СПб., 2004. Ч. II. С. 49–51.

[33] Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. I. С. 261.

усматривали в нем старообрядцы, а затем и некоторые последующие критики Петра и его реформ. Это и понятно, ведь пушки и колокола лили из одного металла, хотя и несколько разного состава, и зачастую одни и те же мастера. Переплавка колоколов на пушки и пушек на колокола была в допетровской Руси делом хотя и редким, но возможным. Резкое противопоставление церковных колоколов государевым пушкам проистекало от крайнего неприятия петровских начинаний в среде старообрядцев или уже в более позднее время из представления о петровской эпохе как разрыве с русской исторической традицией. В действительности в народной памяти Петр предстает в связи с этой историей не как Царь-Антихрист, а как благочестивый государь, жалеющий колокола, которые на Руси воспринимались как одушевленное воплощение родной православной традиции.

Эта крайняя мера, как и любая повинность, тяготила подданных. Разумеется, люди не оставались безучастными к тому, что часть колоколов их родной церкви, к голосу которых они привыкли с детства, отправлялась на переплавку. Но это было не оскорбление веры, а часть напряженных усилий всей страны в тяжелой войне, в которой православная церковь по древнему обычаю жертвовала часть своего имущества на государственные нужды. Тем более было бы преувеличением оценивать это мероприятие Петра как символ ошибочного движения страны прочь от ее исторических корней. Страна закономерно шла путем, проложенным для нее реформами Петра Великого. В этом движении напрасно искать ошибку, поскольку история не бывает «неправильной», неправильными могут быть только наши представления о ней.

Приложение 1

Архив СПбИИ. Ф. 181. Оп. 1. № 5101. 1699 декабря 15. Указ из Пушкарского приказа о сдаче монастырями имеющихся у них оружия, меди, железа. 1 сст.

// (сст. 1) Список.

208-го декабря в 15 день великий государь (пол) указал степенных монастырей, которые написаны в уложенной книге, у стряпчих тех монастырей взять скаски с подкреплением: в монастырех что какова наряду медного и железного и какова которая пищаль длиною и ядром и весом. И тот наряд на станках ли и на колесах, и станки и колеса окованы ль. Так же что зелья и свинцу, и фитилю, и мелкого рейтарского ружья карабинов, и пистолей, и салдацкого ружья мушкетов и физей[34], и лядунок с сумами, и иных всяких воинских припасов. И те припасы все ль в готовности, и зелье к стрельбе годно ль.

А сей великого государя указ приказал боярин Алексей Семенович Шеин.

Закрепил дьяк Иван Алексеев.

[35]И то написать откуль то оружье взято.

[34] *Так в ркп.*

[35] *Далее другим почерком.*

Приложение 2

Архив СПбИИ. Ф. 181. Оп. 1. № 5227. 1700 апреля. Сказка стряпчего Валдайского Иверского монастыря о количестве вооружения на монастырском подворье. 4 сст.

// (сст. 1) 1700-го апреля в день Иверского монастыря московского подворья стряпчей имярек сказал: в Ыверском монастыре воинского оружейного наряду.

// (сст. 2) Пушка медная весом 26 пуд 1 чети, мерою в длину 3 аршина 3 чети[36], в дуле ядро пол 3 вершка.

Пушка весом 12 пуд мерою 2 аршина без двух вершков, в дуле ядро полтора вершка.

Пушка весом 22 пуда мерою 2 аршина 1 чети, в дуле ядро 2 вершка, лита 1637-го году[37].

Пушка весом 15 пуд 2 чети, длиною 2 аршина 2 вершка, в дуле ядро 2 вершка.

Пушка весом 11 пуд 10 гривенок мерою 2 аршина без вершка, в дуле мерою ядро пол 2 вершка.

Пушка весом 23 пуда длиною 2 аршина 6 вершков, в дуле мерою ядро пол 3 вершка, лита 1632-го году[38].

Пушка весом 20 пуд мерою 3 аршина 2 чети, в дуле мерою ядро пол 2 вершка.

Пушка весом 36 пуд мерою 2 аршина 2 вершка, в дуле мерою ядро пол 3 вершка.

Пушка весом 34 пуда мерою 3 аршина 2 вершка, в дуле мерою ядро пол 3 вершка.

Да пушка медная мерою четыре аршина, в дуле мерою ядро пол 3 вершка.

Да пушка медная ж мерою 3 аршина 2 чети, в дуле мерою ядро пол 3 вершка.

Да три пушки железные мерою по два аршина в дулех мерою ядро по полтора вершка. И те пять пушек медные и железные не вешены для того, что в Ыверском монастыре такова подъемного весу нет, и весить их не на чем.

Да и салдацкого оружья 150 мушкетов, 3 санапала да тритцать пуд пороху.

// (сст. 3) А те медные и железные пищали на станках и на колесах деревянных, окованы железом. И стоя, те стонки и колеса погнили, потому что после святейшаго Никона патриарха стрельбы ис тех пищалей никогда не бывало, и пушкарей у нас в Ыверском монастыре нет[39]. А свинцу и фитилю, и мелкаго райтарского оружья карабинов и пистолей, и физей, и лядунок с сумками, и иных всяких воинских припасов в монастырской казны нет. А те вышеписан-

[36] *Далее в ркп зачеркнуто:* А на ней подпись: лета 7059-го августа в 2 день ся пищаль полуторная делал мастер Заня Иванов сын Скоко с товарыщем с Ываном Васильевым сыном во Пскове.

[37] *В ркп* 1637-го году *зачеркнуто другими чернилами.*

[38] *В ркп* 1632-го году *зачеркнуто другими чернилами.*

[39] *Далее в ркп зачеркнуто:* И чистить тех пищалей и стонки, и колеса починять некому, и порох к стрельбы годитца ль или нет, про то нам не ведомо, потому что тот порох делон в то время, как строил святейший Никон патриарх Иверской монастырь.

ные пищали и мушкеты, и санапалы привезены в Ыверской монастырь по указу светейшего Никона патриарха[40], как строен тот наш монастырь.

// (сст. 4) В больших в 10 ядрах весом 3 пуда 5 фунтов, а счетом больших ядер 100, а в одном ядре 15 фунтов. И всего во сте 30 пуд 15 фунтов, вкруг ядро по 8 вершков.

Другой руки поменьше того ядра в ядре по 7 фунтов, весом в десятке по полтора пуда, и всех восмидесят, вкруг ядро по 7 вершков.

Да поменьше тех в ядре по 6 фунтов.

И всех сто, вкруг ядро мерою полшеста вершка.

Да менше ж тех в 10 ядрах пуд 5 фунтов.

И всех их 100 ядр, в одном ядре по 4 фунта, мерою в круге по 6 вершков.

Самые меншие руки в десятке в ядрах 20 фунтов, счетом всех 140, мерою около ядра по 4 вершка.

// (сст. 3 об.) Да пушечных ядер 600 сот[41] железных болших и малых.

// (сст. 2 об.) Такова послана к Москве нынешняго 1700-го году апреля в 8 день чрез уставную почту.

Приложение 3

Архив СПбИИ. Ф. 132. Оп. 1. Картон 51. № 8. 1701 январь. Две памяти Б.И. Колобову, посланному в Обонежскую пятину Новгородского уезда для исполнения царского указа о переписи и взвешивании церковных колоколов и монастырских пушек. Список. 2 сст.

// (сст. 1) Список.

Лета 1701-го генваря в 24 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца и по приказу генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина с товарыщи Богдану Ивановичю Колобову. В нынешнем 1701-м году генваря в 22 день в грамоте великого государя (пол) и по приказу Большого дворца в Великий Новгород к генералу и губернатору ко князю Никите Ивановичю Репнину с товарыщи за приписью дьяка Василья Юдина писано: указал великий государь в Великом Новегороде и в новгородцких пригородех у соборных, и у всех приходцких церквей во всех монастырех, и в уездех у помещиков и вотчинников в вотчинах и в поместьях у церквей колокола переписать, сколко у которой церкви колоколов и в них весом пуд в котором колоколе по подписке порознь. А на которых колоколах по подписки не явитца, и те написать в меру, а по смете и по скаскам тех монастырей архимандритов и игуменов и священников, и привися на терези или калтар, а меншие на безмен. Да в архиерейских домех и в монастырех пушки медные переписать же в меру и в вес, и в сколько фунтов ядро и учинить переписные книги с подлинною очисткою

[40] *Далее в ркп зачеркнуто:* А окуль то воинское оружье привезено, про то мне неведомо, потому что тому воинскому оружью у нас в Ыверском монастыре записных книг нет.

[41] *Так в ркп.*

и с перечнями. И для тое вышеписанной переписки велено послать дворян добрых и с ними старых подьячих. И Богдану Колобову, приехав в Обонежскую пятину, и в той пятине в монастырех и в архиерейских домовых в дворцовых, и в помещицких, и в вотчинниковых селех и погостех переписывать колокола // (сст. 2) наспех против вышеписанного ж великого государя указу, а, переписав, учинить в книги в дестетые тетрати и привести в Великий Новгород и подать в приказной полате генералу и губернатору князя Никите Ивановичю Репнину с товарыщи за своею рукою. У подлинной дьяк Андрей Озеров. Справа подьячего Микиты Якимова.

Лета 1701-го году генваря в 27 день по указу великого господина (пол) память Обонежские пятины по монастырем архимандритом и игуменом и строителем з братьею, а игуменьям и строительницам с сестрами, а по погостам и по выставкам попом с причетники: в нынешнем 1701-м генваря в[42] день по указу великого государя послан в Обонежскую пятину для переписки колоколов Богдан Иванов сын Колобов, и вам бы в той переписки быть послушным. У подлинной припись приказного Савы Боровитинова. Справа подьячего Степана Феоктистова.

Abstract

P. V. Sedov. The removal of church bells for casting of cannon fire in the beginning of the Northern War

The article deals with memorable event of Russian history — the imperial decree in 1701 to lift the church bells for recasting them to guns. This Peter's drastic measure was motivated by the need to restore urgently artillery instead of guns, captured by the Swedes in Narva Battle in 1700. Most historians justifies those actions by military necessity. From another view, the Peter's policy was a rejection of the Russian Orthodox tradition and unnecessarily cruel humiliation of the church.

The author discovered the new archival data in the monastic funds on the implementation of the decree of Peter the Great in 1701 and stated, that the Peter's actions wasn't anti-religious. Contrary, Peter acted within the Orthodox tradition, when the church donated the state to protect the country during the war.

Key words: Northen War, petrine reforms, artillery, monasteries, church bells.

References

Belobrova O. F. Tchudo 1701 g. s kolokolami Troitse-Sergieva monastyria // TODRL. T. XXVI. L., 1971. P. 302–311.

Brikner A. G. Istoria Petra Velikogo. Reprintnoe vosproisvedenie s isdania A. S. Suvorina. M., 1991.

Manoilenko Iu. E. Vklad russkih monastyrei v vostanovlenie artillerii v 1701 g. // Voprosy istorii. 2010. № 2. P. 155–157.

[42] *В ркп оставлено место для числа.*

Manoilenko Iu.E. Kolokol'nye sbory v period Severnoi voiny 1700–1721 // Voenno-istoritcheski gurnal. 2011. № 3. P. 56–57.
Manoilenko Iu.E. Ruskaya artilleria v pervoi treti XVIII v. Rukop. dis. ... k. i. n. SPb., 2010.
Molchanov N.N. Petr I. M., 2003.
Nikanorova E.K. Istoritcheski anekdot v russkoi literature XVIII veka. Anekdoty o Petre Velikom. Novosibirsk, 2001.
Rostunov I.I. Istoria Severnoi voiny. 1700–1721. M., 1987.
Solov'ev S.M. Publichnye tchteniia o Petre Velikom // Tchtenia i rasskazy po istorii Rossii. M., 1989.
Solonevitch I.L. Narodnaia monarchiia. M., 1991.
Tryaia A. Petr Pervyi. M., 2007.
Ulanov V.Ia. Moskva i Petr Velikii // Moskva v ee proshlom i nastoiaschem. M., 1912. T. 7.
Fedyshkin N. Sofiiskie kolokola // Poslugit' Severu. Vologda, 1995.
Khmyrov M.D. Artilleriia i artilleristy na Rusi v edinodergavie Petra Pervogo (1696–1725) // Artilleriiskii gurnal. 1865. № 10.
Tzvetaeva M.I. Sobr. soch.: v 7 t. M., 1997. T. I. Kn. 1.